

БОГАТЫРСКАЯ СИМФОНИЯ РЕВОЛЮЦИИ

ДА, ИМЕННО ТАК хочется назвать Одиннадцатую симфонию Дмитрия Шостаковича, написанную им к сорокалетию Великого Октября. Это симфония о революции 1905 года, о рабочем классе России, о славных пролетариях Питера.

Обращение к теме революции 1905 года (а у Шостаковича уже давно есть цикл хороших поэм на эту тему, и некоторые материалы этого цикла использованы им и в симфонии) оказалось весьма плодотворным. Масштабность темы, ее высокий гуманизм, ягучая конфликтность дали благодарную почву музыкальной фантазии композитора, обогатили его мастерство новыми выразительными средствами, расширили круг образов, внесли новые краски в его оркестр.

Симфония состоит из четырех частей, идущих без перерыва и носящих последовательно названия: «Дворцовая площадь», «Девятое января», «Вечная память» и «Набат». Но не только этими «титрами» ограничиваются признаки времени в партитуре. Впервые в симфонии Шостаковича в качестве тематического материала привлечен революционный фольклор, песни эпохи 1905 года — «Слушай!», «Вы жертвою пали», «Варшавянка», «Беснуйтесь, тираны» и т. д. Знакомые мотивы звучат у него не насильственно вставленными цитатами, до того почти везде сливаются они со всем остальным текстом сим-

фонии, до такой степени стали ее плотью и кровью. Одним из самых, может быть, ярких примеров здесь может служить обработка мотива песни «Вы жертвою пали». Тема эта меняет не только свой инструментальный наряд, но меняется и сама, растет, развивается — на зеленой веточке мелодии словно пробиваются новые свежие весенние побеги.

Одиннадцатая симфония продолжает единую линию симфонизма Шостаковича. Она стоит в одном ряду с другими его лучшими симфониями, являясь их младшей, но родной сестрой.

Тема непримиримой борьбы антагонистических сил в знаменитой Седьмой, «Ленинградской», симфонии, получившая программное истолкование как тема борьбы двух миров — старого мира кровавого насилия и нового, светлого мира социализма, — фактически проходит через все творчество Шостаковича. Решаемая в лучших созданиях Шостаковича обычно в плане оптимистической трагедии, тема эта, по существу, повторена композитором и в Одиннадцатой симфонии, будучи лишь перенесена на историческую почву революции 1905 года. Вместе с этой темой в партитур перешли и те принципы реализма и психологической правды, которым следует Шостакович в своих симфониях (и не только в них).

Покоряющая сила и красота «1905 года» Шостаковича в том, что в его музыке правдиво и убедительно раскрывается психология рабочей массы, диалектика народной души. Образ народа — в росте и изменении — движется

через весь «1905 год», определяет динамику его внутреннего развития. В первой части музыка с трепетной чуткостью передает гулкую настороженную тишину и безлюдье заснеженной Дворцовой площади. И только сигналы сторожевых постов и мотив «Слушай!» нарушают безмолвие. Композитор точен и лаконичен. От унылого возгласа «Слушай!» как будто еще больше сгущается тюремная угрюмость мертвого дома на мертвой площади. Вместе с тем мотив старой песни напоминает о живом, неумирающем народе, свято берегущем в душе мечту о свободе, о грядущей революции. В последней части — «Набате» — перед нами волнуется и шумит уже целое народное море.

Между этими двумя крайними точками симфонии протекает трагическая эпопея «кровавого воскресенья», кульминация которой приходится на финал второй части цикла. В этой второй части («Девятое января») легко различимы как бы два раздела, два момента в развитии трагических событий. Первый, начальный, рисует картину мирной рабочей демонстрации, направлявшейся к Зимнему дворцу с горестной мольбой к царю-батюшке: «Нет житья, нет моченьки нам от царских слуг». Как много от Мусоргского в этой музыке!

Но «царь-батюшка» не внял мольбам народа, самодержавие учинило кровавую бойню. Было бы, однако, обидным упрощением видеть в музыке второй половины этой части симфонии только звуковую иллюстрацию разгона и расстрела демонстрации. Напом-

ним, так всегда бывало у Шостаковича: не сам по себе натиск вражеских сил изображался композитором, а прежде всего противодействие этому натиску — вот что являлось решающим в его партитурах. Огромной ожесточенности и страстности достигает драматический конфликт в музыке «кровавого воскресенья». И опять-таки здесь дело не в изображении свиста нагаек, картечных залпов или наступления печатающих шаг воинских колонн. А во все возрастающей мощи рабочего сопротивления. После «просительных» интонаций в начале — сейчас в музыке звучат ярость народного гнева, решимость стоять насмерть.

Вслушайтесь в музыку следующих — 3-й и 4-й частей. Как величественный рекем памяти погибших борцов революции, воспринимается вся третья часть симфонии. Музыка здесь полна скорбной патетики и вместе с тем гордого величия и суровой нежности. Смолкнул бой. Ночь опустилась на притихшую площадь. В оркестре, в басах, чуть слышные шорохи — шаги, и одинокий голос альтов начинает мотив «Вы жертвою пали». И чудится, будто русская женщина, Мать, — в черном платке, из-под которого выбиваются пряди седых волос, — молча, медленно идет по площади. Нагибаясь, она всматривается в лица убитых, запорошенные нетающими уже снежинками. Мать ищет своих сыновей. Глаза ее сухи — так бескрайняя и величественна ее народная скорбь, что она уже не терпит сентиментальности, мелодрамы, слезливости...

Не смиренная, обманутая толпа движется в торжественном похоронном марше третьей части. В музыке слышится богатырская поступь рабочих колонн. А в песенном разлыве четвертой части звучит мощь нарастающего народного движения. Перед нами как будто проходят преображенные, возмужавшие русские люди, люди из того гордого племени нестигаемых революционеров-богатырей, которые в декабре 1905 года сражались на Пресненских баррикадах Москвы, а через двенадцать лет штурмовали Зимний.

Так начисто преодолевается в симфонии та жертвенность, та трагическая обреченность, которые могли быть заложены в теме «кровавого воскресенья». В Одиннадцатой симфонии перед нами история, увиденная глазами нашего современника с высоты Октябрьского сорокалетия...

Такова новая партитура Дмитрия Шостаковича. С огромным успехом и подъемом симфония была уже сыграна в Москве (Государственным симфоническим оркестром СССР под управлением Натана Рахлина) и в Ленинграде (оркестром филармонии под управлением Евгения Мравинского). Но, конечно, это только самое начало жизни симфонии на концертной эстраде. Симфония «1905 год» должна стать достойным самых широких масс слушателей. Она свидетельствует о чудесном цветении дарования Шостаковича, о зрелости советского симфонизма.

М. СОКОЛЬСКИЙ